

Перечитывая классику

В . А . Н е д з в е ц к и й

*ОТ ПУШКИНА
К ЧЕХОВУ*

**В помощь преподавателям,
старшеклассникам и абитуриентам**

В.А. Недзвецкий, д-р филол. наук,
проф. МГУ, президент
Ассоциации вузовских филологов

Недзвецкий В.А.

От Пушкина к Чехову. В помощь преподавателям, старше-
классникам и абитуриентам. — М.: — 192 е.

В книгах серии «Перечитывая классику» содержится современный анализ произведений, входящих в школьные программы по литературе. Впервые обстоятельно освещаются духовно-нравственные и религиозные аспекты творчества русских писателей XIX—XX вв. Серия предлагается как база современных знаний по русской литературе, необходимая для сдачи школьных экзаменов и поступления в любой вуз.

Автором настоящего пособия по-новому прочтены такие вершинные произведения русской литературной классики, как «Евгений Онегин» Пушкина, «Герой нашего времени» и «Смерть Поэта» Лермонтова, «Мертвые души» Гоголя, «Записки охотника», повесть «Ася» Тургенева, «Обрыв» Гончарова, «Бедные люди», «Записки из Мертвого дома» и «Братья Карамазовы» Достоевского, «Смерть чиновника» Чехова.

Для учителей школ, лицеев и гимназий, студентов, старшеклассников, абитуриентов, специалистов-филологов.

Настоящая книга — не монография о творчестве отдельного писателя, как наше предшествующее пособие «Романы И.А.Гончарова» (М., 1996) и большинство других исследований, подготовленных в рамках данной серии. Но это и не (борник разнотемных и независимых друг от друга историко-литературных статей.

Вершинные произведения А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, Н.В.Гоголя, И.С.Тургенева, И.А.Гончарова, Ф.М.Достоевского, А.П.Чехова, анализ которых предложен здесь преподавателю и абитуриенту, объединяются в три группы — соответственно одному из главных социально-исторических типов, в первую очередь интересовавших русскую классическую литературу в течение всего девятнадцатого столетия. Это прежде всего романы (и примыкающие к ним тургеневские повести 50-х годов) о «современном человеке» (Пушкин), «русском скитальце» (Достоевский)— «Евгений Онегин», «Герой нашего времени», «Обрыв», «Братья Карамазовы». Затем— произведения о человеке «маленьком»: «Бедные люди», «Смерть чиновника». Наконец — «очерковые» циклы, главным персонажем которых стал человек из народа: «Записки охотника» и «Записки из Мертвого дома».

Характеристика названных типов, как они обрисованы тем или иным художником, сочетается в книге с фиксацией существенной **эволюции** в их понимании и творческом воплощении от Пушкина (Гоголя, Тургенева) к Достоевскому и Чехову. Особое внимание автор уделяет образу «русского скитальца» в его видоизменении от противоречивого пушкинского Онегина и двойственного Печорина до бросающих вызов самому Богу героев Достоевского. В главе «Захватить все» показан вместе с тем и тот нравственно-этический идеал, который русские романисты противопоставили всем аморалистическим и антиобщественным идеям своей острокризисной эпохи.

«Евгений Онегин», «Герой нашего времени», «Мертвые души», «Записки охотника», «Записки из Мертвого дома» — это именно те произведения, в которых Л.Н.Толстой видел доказательство глубочайшей **жанровой** оригинальности русской литературной классики. Но ведь жанр не просто содержателен, он предопределяет сам **характер** восприятия художником мира и современника и **общее** суждение о них. Это объясняет, почему, обращаясь к таким новаторским и сложным формам, как пушкинский «роман в стихах», «сочинение» Лермонтова или каторжные «записки», «Братья Карамазовы» Достоевского, автор этой книги ищет разгадку их смысла прежде всего в жанровом своеобразии каждого из них.

«Дьявольская разница» (Почему «Евгений Онегин» — роман в стихах)

Сообщая в ноябре 1823 года П.А.Вяземскому, что он пишет «не роман, а роман в стихах», А.С.Пушкин подчеркнул: «дьявольская разница»¹.

В статье «О русской повести и повестях г. Гоголя» (1835) В.Г.Белинский определил роман как форму, наиболее «удобную для поэтического представления человека, рассматриваемого в отношении к общественной жизни»².

В сравнении с поэмой эпической (античной, средневековой), а также романтической, где действуют богатыри, герои или лица исключительные (возвышенные), роман, подобно породившей его новой действительности, — жанр не высокий, но прозаичный, точнее, прозаизированный. Проза, а не стих («язык богов») становится в нем и естественным средством повествования. В прозе были те образцы нового западноевропейского романа, которые учитывались Пушкиным при создании его «Онегина». Это «Рене» (1802) Ф.Шатобриана, «Мельмот-скиталец» (1820) Ч.Метьюрина и в особенности «Адольф» (1816) Б. Констана. Прозаическими будут и восходящие к пушкинскому роману крупнейшие произведения М.Ю.Лермонтова, Н.В.Гоголя, И.С.Тургенева, И.А.Гончарова, Ф.М.Достоевского, Л.Н.Толстого. Между тем сам «Евгений Онегин» оказался не в прозе, а в стихах, т.е. своеобразным жанровым оксюмороном. Почему же?

Быть может, «Онегин» вообще не роман, но, как полагали некоторые исследователи, некий лиро-эпический гибрид? Однако в нем есть по меньшей мере три силы, образующие именно роман, а не эпическую или лирическую поэму: его центральные персонажи Онегин и Татьяна, предмет изображения и характер действия.

Современным произведению читателям заглавный герой «Онегина» мог показаться «чужаком печальным и опасным» (7, XXIУ),

"подражаньем» (Чайльд Гарольду Байрона или Мельмоту Метьюрина), также «космополитом, патриотом», «квакером, ханжой» (8, VIII), Но в любом случае он не был подобен героям ни классицизма, ни сентиментализма, ни романтизма, ни «старинного... нравописательного и иного романа» (4, XXI), на фоне которых выглядел лицом «странным» (8, L) и «антипоэтическим» (V, 509). Произведение содержит, впрочем, и точное авторское определение Онегина. Он — порождение и представитель нового «века», «современный человек» (7,126).

В этом своем качестве Онегин отмечен, однако, далеко не только «безнравственной душой, Себялюбивой и сухой, Мечтанью преданной безмерно» и «озлобленным умом, Кипящим в действии пустом» (7, 126). Характеризуя в 1835 году «господствующий дух» нынешнего времени, Белинский подчеркивал и такое, уже глубоко положительное, его завоевание: «Родилась идея человека, существа индивидуального,отдельного от народа, любопытного без отношений, в самом себе...». Пафос самоценности личности и ее независимости от норм и форм феодального общества — главное свойство и героя Пушкина. Показательно, что, в отличие от большинства дворян той эпохи, Онегин никогда и нигде не служил. Как личность Онегин не способен ограничить себя любыми сословно-корпоративными узами и интересами, будь то заботы уездных помещиков (вспомним «Их разговор благоразумный О сенокосе, о вине, О псарне, о своей родне" - 2, XI) или интриги и страсти петербургского «света». Зато ему вполне открылись универсально-бытийные проблемы человека и человечества, которые он обсуждает с Ленским: «Племен минувших договоры, Плоды наук, добро и зло, И предрассудки вековые, И гроба тайны роковые...» (2, XVI).

Индивидуально-личностная сущность Онегина объясняет и то сильнейшее впечатление, которое герой произвел на Татьяну Ларину, с первой же встречи и навсегда отличившей в нем своего единственно возможного избранника. И здесь не было никакой ошибки. Ведь и о Татьяне ясно сказано: «Она в семье своей родной Казалась пеньочкой чужой» (2, XXV). Сама героиня подтверждает эту характеристику в следующих словах письма к Онегину: «Вообрази: я здесь одна. Никто меня не понимает...».

«Уездная барышня» по своему внешнему положению, Татьяна, в отличие от своих родителей, сестры Ольги, Буяновых и Петушковых, психологически близка грядущему «веку» и «современному человеку». И не только благодаря раннему чтению новейших романов. Одаренная, по словам автора, «Воображением мятежным. Умом и волею живой, И своенравной головой» (3, XXIV), Татьяна потенциально переросла любой сословно-замкнутый уклад и при всей своей нрав-